

РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА 8 — 2000 — 25 марта — с. 8

Континент Владимира Максимова

Пять лет назад в парижском православном соборе Александра Невского состоялась прощальная панихида по русскому писателю Владимиру Максиму. Из этого собора Владимир Емельянович и отправился в свой последний путь — на русское кладбище Сен-Женевьев дю Буа, где покоятся многие наши знаменитые соотечественники.

СУДЬБА определила Максиму быть скитальцем и борцом. Родился на Ставрополье, в тринадцать лет покинул дом и начал колесить по стране — от ее Юга до Таймыра. Детские приемники и колонии, колхозы и совхозы, стройки, радиоредакции, районные газеты... После таких "университетов" взялся за перо — писал прозу, стихи, пьесы. Потом вышел первый сборник стихов в Ставрополе, в областном театре был поставлен спектакль по его пьесе.

Со слабеньких родничков началось его творчество, но под конец своей жизни он мог не без гордости сказать:

— Мои книги публиковались более чем на двадцати языках. В самых разных странах ставились спектакли, журнальным и газетным публикациям во всем мире я давно потерял счет. Получил три международных премии. На Родине выпустил собрание сочинений в девяти томах...

Да, Владимир Емельянович оставил огромное творческое наследие. В нем — непричесанная, неприглядная, взволнованная картина жизни современного ему общества. Но он оставил и опыт кристальной честности и бескомпромиссности истинно российского писателя-демократа. Человека, которого отовсюду исключали, — из издательских планов, из Союза пи-

сателей — ни перед кем не гнул. Один из секретарей Союза писателей орал ему привселюдно: "На колени перед Советской властью и

моли ее о прощении!" Не стал Максимов "на колени". И жену его Таню тоже "исключили" — сняли с работы в библиотеке Центрального Дома литераторов. Его выслали за рубеж и пытались лишить Родины — он остался ее великим гражданином. Перестали издавать в СССР — и его книги стали выходить в "Самиздате", в "Посеве" и

кружным путем приходили к российским читателям. Лишили доступа к трибуне прессы — и он создал журнал "Континент", который возглавлял восемнадцать лет.

Последние пять лет своей жизни Максимов посвятил публицистике. В России произошли крутые перемены, но он принял далеко не все из них. И задался вопросом: "...Существует ли она вообще, в природе, та Россия, которую я и мои единомышленники представляли себе, вступая в единоборство с идеологическим монстром?" "Самоистребление" — так назвал он одну из своих последних публицистических книг. "Сколько колоколу звонить?" — с горечью вопрошал Владимир Емельянович, сравнивая свой "Континент" с герценовским "Колоколом"? Он терпеть не мог тех писателей, для которых происшедшее в России стало "комфортной революцией" и временем "сладостного вытирания ног о прошлое".

Против Максимова ополчились не только ортодоксы-коммунисты, но и записные демократы. Тактика была старой — предать забвению. И тогда издательство "Воскресенье" и другие издательства, где не перевелись честные люди, стали снова издавать его книги, провели "Максимовские чтения" в Париже и Москве, чтобы уже новые поколения россиян открыли для себя Владимира Максимова, до последней своей жизненной минуты думавшего об Отечестве и страдавшего за его непутевую судьбу.

Лев КОРНЕСОВ,
Фото Вадима НЕКРАСОВА.